

*Т. А. Егерева**

ОЧЕРКИ ГРАФА С. Д. ШЕРЕМЕТЕВА О РУССКИХ МОНАСТЫРЯХ

В статье раскрывается специфика описания С. Д. Шереметевым русских Святых мест. Он их видит глазами ортодоксально верующего человека и историка одновременно, причем при создании очерков подход историка является превалирующим. Это проявляется в способе организации текста очерков: подробном изложении истории монастырей, преимущественном внимании к монастырским некрополям и ризницам, хранящим церковные древности, а также в наличии в конце ряда очерков приложений, где впервые С. Д. Шереметевым вводились в научный оборот архивные документы, касавшиеся описываемых им монастырей.

Ключевые слова: С. Д. Шереметев, мемуары, монастыри, ризница, некрополь, церковная старина, историческая память.

T. A. Egereva

ESSAYS OF COUNT SERGEI SHEREMETEV ON RUSSIAN MONASTERIES

The article considers the features of holy places descriptions by Count Sheremetev. He perceives them as both an Orthodox believer and a historian, and essays he creates from a historian's point of view. It is evident from the text structure: monasteries' history is always detailed, with special focus on monastery necropolises and sacristies containing ancient items, and some essays end with lists of archival documents on the described monasteries first introduced to scientific community by Count Sheremetev.

Keywords: Sergei Sheremetev, memoirs, monasteries, sacristy, necropolis, church ancients, historical memory.

Граф Сергей Дмитриевич Шереметев — известный общественный деятель России рубежа XIX–XX вв., историк, генеалог, издатель, неутомимый популяризатор отечественного культурного и духовного наследия. Его про-

* Егерева Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ФГБУК Государственный музей-усадьба «Остафьево — «Русский Парнас»; taegereva@gmail.com

светительская деятельность была многосторонней и разнообразной, включая в себя публикацию документов из богатейших семейных архивов графов Шереметевых и князей Вяземских, деятельное участие в научных обществах, ставивших целью изучение родной старины, издание исторических сборников, а также написание серии очерков, посвященных русским дворянским усадьбам, храмам и монастырям. Хотя эти очерки издавались небольшим тиражом, т. к. предназначались в первую очередь для родных и друзей С. Д. Шереметева, они снискали ему славу одного из «именитых и известных» авторов, рассказывавших о Святых местах, наряду с такими признанными классиками жанра, как А. Н. Муравьев, К. Н. Леонтьев, С. П. Шевырев, Н. Н. Страхов и др. [5, с. 3].

Путевые заметки и очерки С. Д. Шереметева уже привлекали внимание исследователей его творчества (М. Д. Ковалева, А. А. Мещенина) [2, с. 63–71; 3, с. 62–65; 4, с. 590–594], однако специфика описания им Святых мест не становилась самостоятельным предметом изучения, хотя она представляет несомненный интерес как в плане анализа религиозных взглядов графа и его писательской манеры, так и в качестве авторитетного свидетельства современника о состоянии известных российских монастырей накануне революционных потрясений XX в.

Творческое наследие С. Д. Шереметева включает в себя довольно большое количество очерков и брошюр, посвященных описанию его поездок по монастырям: «Саввин Сторожевский монастырь. (Воспоминание)», «Псково-Печерский монастырь (Воспоминание о поездке 2 мая 1890 г.)», «Новый Афон 1884», «Боровский Пафнутьев монастырь (Воспоминание о поездке 13 июля 1890 г.)», «Св. Троицкая Сергиева лавра (Воспоминание)», «Иосифов Волоколамский монастырь», «Желтиковский монастырь в Твери», «Два упраздненных монастыря над Переяславским озером», «Лавра Почаевская (Посещение по пути из-за границы в августе 1907. С приложением четырех документов)». Сюда же можно добавить его воспоминания о домовых церквях Шереметевых в Москве и Петербурге («Церковь Знамения Пресвятой Богородицы на Воздвиженке (Очерк и воспоминание)», «Воспоминания о службах в нашей домово́й церкви», «Посещение патриархом Григорием IV Антиохийским и всего Востока церкви Святой Великомученицы Варвары что на Фонтанке», а также ряд очерков о духовных пастырях («Памяти Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского», «Леонид, архиепископ Ярославский и Ростовский», «Архимандрит Леонид (Кавелин)») [1, с. 3–14]. Кроме того, граф оставил подробные описания монастырей в своих путевых заметках, посвященных древнерусским городам и путешествиям по рекам (например, в очерке «Киев» содержится рассказ о Киево-Печерской Лавре, в заметке «По Сухоне» — рассказ об обителях Вологды и Устюга).

Очерки С. Д. Шереметева о монастырях представляют собой мемуарные зарисовки его посещений святых обителей, недаром в заглавии некоторых из них упоминается дата поездки. Соответственно, рассказ графа о монастырях часто предваряет описание дорожных впечатлений — сменяющих друг друга окрестных пейзажей, погоды, открывающихся вдали видов монастырских крепостных стен, башен и колоколен, настроения его самого и спутников, разговоров с местными жителями [6, с. 4; 10, с. 3; 13, с. 3–4; 16, с. 3]. К примеру, очерк «Новый Афон» начинается так:

...Военный пароход «Пендераклия» отчалил от Батумского берега. Начинало уже смеркаться; погода была ясная, и море совершенно спокойно. На пристани толпился народ, провожавший князя Дондукова и жену его, отправлявшихся в Сухум. Мы приглашены были сопутствовать им в Новый Афон. Медленно отходили мы от берега. С палубы все любовались великолепной картиной: на берегу горели огни; на пристани было большое оживление; перед нами красовались горы вокруг Батума и ясно были видны снежные вершины Кавказа. Воздух был чистый и теплый; настроение у всех бодрое. Долго еще сидели мы на палубе и в кают-компани [14, с. 3].

Природа выступает в сочинениях С. Д. Шереметева столь же равноправным объектом описания Святых мест, что и посещаемые им монастырские святыни, она неотделима от них и создает ту особую атмосферу спокойствия, безмолвия и благодати, которую взыскали древние подвижники. Проникновенным и лиричным чувством наполнены описания графом Шереметевым монастырских садов, которые он осматривал с особым удовольствием и подходом знатока — в его усадьбах много внимания уделялось развитию садоводства и оранжерейному делу. «Среди уединения настоятельской пасеки, под тению лип и сосен, стоит часовенка. Здесь на аналое Евангелие и крест. Не такова ли была келия основателя обители? — писал он в очерке о Пафнутьево-Боровском монастыре. — То же уединение молитвы, среди цветущей природы, и та же живая к ней любовь! Она разрешает трудную задачу жизни и дает покой душе и бодрость телу» [6, с. 10]. С. Д. Шереметев особо отметил, что преп. Пафнутий завещал своим преемникам любовь к садоводству и к природе [6, с. 11]. Подробнейшим образом граф со своими спутниками осмотрел «заросший и богатый фруктовый сад» в Печорах:

Сад прекрасный; теперь он приводится в порядок; кое-где старые вековые дубы чередуются с яблонями, широко расстилая свои ветви. Один дуб даже врос в крышу здания, очутившегося под нами. Так мы забрели высоко [16, с. 28–29].

Любовь к родной природе была одним из проявлений пламенного патриотизма графа Шереметева. В своих очерках он не раз сетовал, что в России нет ни описаний, ни фотографий и рисунков ее живописных уголков, что отечественные художники предпочитают иностранные пейзажи, что «мы сами не знаем, какая у нас красота, и мало у нас влечения к познанию своего родного<...> Когда доживем мы до художественных описаний наших рек с их памятниками, населенными, церквами и преданиями, еще сохранившимися?» [15, с. 13–14] Стараясь по мере сил решить эту задачу, С. Д. Шереметев очень поэтично передавал свои впечатления от умиротворяющих пейзажей, открывающихся с монастырских стен и колоколен. При этом стоит отметить, что картины природы в очерках С. Д. Шереметева были созвучны настроению рассказчика и характеру описываемого места. Например, рассказывая в очерке «Иосифов Волоколамский монастырь» о Германовой башне, месте заточения Максима Грека, а впоследствии сверженного царя Василия Шуйского, граф заметил: «Небо было серое и мрачное, шел снег, порывистый ветер усиливал чувство уныния и холода» [12, с. 6].

С. Д. Шереметев любил предпосылать своим очеркам эпиграфы. С одной стороны, они задавали эмоциональный тон последующего описания, с дру-

гой — апеллировали к дорогим для графа именам и использовавшимся им в работе историческим источникам. Для упомянутого очерка о Новом Афоне, значительную часть текста которого заняло описание поразившей С. Д. Шереметева роскошной природы черноморского побережья, в качестве эпитафии были выбраны стихи князя П. А. Вяземского: «Фонтаны льют свой свежий ропот / И зыбкий жемчуг звонких слез». Два эпитафии к очерку «Боровский Пафнютьев монастырь» представляли собой описание монастыря, взятые из книги Большого Чертежа и из жития преп. Пафнутия Боровского. Географическое описание из той же книги Большого Чертежа было предпослано и очерку о Псково-Печерском монастыре. Эпитафией очерка о Св. Троицкой Сергиевой лавре служил отрывок из службы преп. Сергию.

Взгляд С. Д. Шереметева на монастыри — это взгляд глубоко верующего человека и историка одновременно, с присущим последнему историческим типом мышления. Причем не будет преувеличением сказать, что взгляд историка все же превалировал. Даже с эстетической точки зрения древние намоленные храмы и монастыри, их росписи и строгие лики святых на иконах ему нравились несравненно больше «раззолоченных и богатых» современных столичных храмов: «другие были строители, другим чувством воодушевляемы» [7, с. 28]. Монастыри ему были дороги не только своими религиозными святынями, но и как особые «места памяти», связанные с известными событиями в отечественном прошлом, а сокровища их ризниц — как памятники древности, не случайно граф всегда указывал, к какому веку относится та или иная древняя икона, пелена, рака. В очерке про Саввино-Сторожевский монастырь граф прямо указывал, что обитель его привлекала как ожившая страница истории древней Руси:

Низкие своды и переходы, окружающие собор, переносили в XVII век и образ тишайшего царя, в любимом своем богомолье Сторожевском, представлялся воображению, а с ним целый мир прошлого, отшедшего на веки, но все еще живого и наглядно выступающего среди этой яркой обстановки древней Руси [17, с. 8].

Поэтому не случайно, что в старинных монастырях С. Д. Шереметева в первую очередь интересовали хранившиеся там древности. Как правило, кратко упомянув про то, что он со своими спутниками отстоял обедню и приложился к ракам святых, граф красочно, подробно и с видимым удовольствием начинал описывать свое посещение монастырских ризниц. В этом плане его посещения монастырей нельзя назвать паломничествами, ибо его целью была не столько молитва у святынь, сколько ознакомление с историческими памятниками обители. «Прежде всего направились мы к монастырской ризнице, — писал он в очерке о Псково-Печерском монастыре. — Она помещается в древнем, каменном двухэтажном здании, недалеко от соборной церкви. Сначала поднялись мы в верхний этаж, где помещается ризница, потом уже осмотрели нижний, где — библиотека и архив» [16, с. 7].

В описаниях С. Д. Шереметевым монастырских богатств чувствуется подход историка: ему было важно, чтобы в монастырских хранилищах был наведен порядок, наличествовали описи предметов, а главное — понимание их исторической и художественной ценности. Посетив Прилуцкий монастырь

в Вологде, граф заметил: «Ризница богатая, в библиотеке немало рукописей, а для справки ничего нет под рукою. Описи не составлено и не напечатано» [15, с. 16]. Еще хуже обстояло дело с ризницей в Вологодском кафедральном соборе, при описании которой чувствуется едва сдерживаемое возмущение графа царящими в ней невежеством и равнодушием к отечественному прошлому:

Попробовали проникнуть в Соборную ризницу. Развязный священник с белыми воротничками и щеголеватыми ухватками не без иронии спросил, чего нам нужно? Когда же он узнал, что мы любители старины, то с некоторым глумлением отозвался о древностях и ввел нас в просторное помещение ризницы, с усмешкою проговорив, что древность — это тление. При этом поднял он лежавшую кое-как драгоценную пелену и в доказательство своего мнения о тленности повернул ее крайне небрежно. Здесь невообразимый беспорядок, царство невежества и пренебрежения к предметам древнего искусства! На полу валяются груды книг, драгоценные рукописи и бумаги — словно в забытом Гledenском монастыре, и это в соборной ризнице! [15, с. 18]

В Саввино-Сторожевском монастыре «сложена на полу гряда бумаг и столбцов», а между тем эта гряда представляет собой интереснейший монастырский архив, в котором хранятся письма архимандритов царям, любопытные распоряжения Алексея Михайловича по поводу варки меда, браги и квасов — «бытовые сокровища» прошлых веков, по выражению С. Д. Шереметева [17, с. 15]. В плане сохранения прошлого его порадовала ризница Псково-Печерского монастыря: она «донныне производит внушительное и отрадное впечатление, благодаря водворенному здесь порядку среди уцелевших сокровищ» [16, с. 8], уцелевших «от погрома внешних врагов и собственного невежества», которое еще страшнее. Учитывая, что в Российской империи еще со времен Петра I существовали официальные законы об охране исторических памятников, большую роль в той ситуации, которая складывалась на местах, играл личный фактор — личность настоятелей монастырей и проводимая ими политика. Например, настоятель Можайского Лужецкого монастыря архимандрит Дионисий был большим знатоком и собирателем исторических актов, относившихся к прошлому Можайского уезда. Неудивительно, что и ризницу своего монастыря он привел в образцовое состояние: «немало утвари, древних сосудов, облачений, митр; все в большом порядке и описано» [7, с. 72].

Граф в своих очерках перечислял наиболее выдающиеся предметы старины, которые ему довелось увидеть в монастырских ризницах: грамоты Годуновых, вклады Федора Иоанновича и царицы Ирины Годуновой в Пафнутьево-Боровском монастыре; перстень и серьги из лазоревых яхонтов царицы Анастасии Романовны, серебряные ковши царевича Иоанна, братины и кубки Федора Иоанновича, богатый вклад Ивана Грозного, пытавшегося замолить свой грех — убийство пр. Корнилия, в Псково-Печерском монастыре [16, с. 8]; кресты, сосуды, митры, риза св. Саввы и царские одежды XVII в. в Саввино-Сторожевском монастыре [17, с. 10–11]. Учитывая, что монастырские ризницы были или разграблены, или, в лучшем случае, распределены по музеям в советский период, его свидетельства как мемуариста приобретают в настоящее время особую ценность.

Подробно описал С. Д. Шереметев увиденные им в монастырях исторические памятники, например, палаты царевича Алексея в Тверском Желтиковском монастыре. Это свидетельство тоже приобрело сейчас ценность первоисточника, поскольку постройки монастыря очень пострадали в годы Великой Отечественной войны — от них сохранились лишь остатки братского корпуса и основание надвратной колокольни. Граф рассказывал:

Широкая деревянная лестница ведет в помещение, подготовленное царевичу. Тут же и церковь, для него построенная, но ничего примечательного в ней нет. Помещение же состоит из трех комнат, довольно запущенных. Мебели нет, только два-три стола с резьбой прошлого столетия, да вдоль стен деревянная обшивка с отцветшими изображениями масляной краской. Во второй комнате, окнами вовнутрь монастыря — хороший портрет Петра Великого масляной же краской, висит в простенке между окон, и тут же портрет императора Павла ребенком. Изображения царевича Алексея Петровича нет. Третья комната небольшая, в одно окно, с лежанкой, предполагалась для спальни [10, с. 4–5].

С. Д. Шереметев отметил также в своем очерке, что настоятель Желтиковского монастыря планировал создать хранилище, посвященное памяти многострадального царевича, — эта идея вызвала горячее одобрение графа, всегда с живейшим участием относившегося к сохранению на местах исторической памяти.

Несмотря на то что очерки С. Д. Шереметева перед изданием проходили цензуру духовного ведомства, а также его собственную самоцензуру, граф не мог не отметить недостатки в деле охраны церковной старины, которые проявлялись не только в ненадлежащем содержании ризниц, но и в варварских поновлениях монастырских построек. «Когда поднимались мы ступенями лестницы, — писал он в очерке о Пафнугьево-Боровском монастыре, — то заметили, что в нескольких местах “ремонт” когда-то произведен был, по многим признакам, с помощью надгробных плит! К этому способу, к сожалению, нередко прибегают и донныне, потому что у нас еще мало ценятся памятники, и потому-то погибло и погибает столько остатков старины» [6, с. 5–6]. В очерке об Иосифо-Волоцком монастыре граф с несвойственной для его печатных работ резкостью отозвался об еще одном проявлении неуважения к прошлому — замазанных строфах Символа веры, которые Максим Грек прочертил на стенах своего затвора: «...ревностию не по разуму последние следы этих дорогих строк грубо замазаны невежественными обновителями. Случай, к сожалению, слишком часто повторяющийся, благодаря низкому уровню монастырской братии» [12, с. 6].

В неопубликованных статьях С. Д. Шереметев позволял себе говорить еще более прямо и откровенно о проблеме сохранения исторических памятников, тем более, что политику церковных властей в этом вопросе он считал совершенно недостаточной: «Пожелаем, чтобы дорогие памятники нашего древнего зодчества чтились бы Духовенством как святыня без того высокомерного презрения связанного с материальными соображениями, которое в настоящее время господствует» [11, л. 4об-5], — писал граф. Во многом его сочинения о Святых местах отвечали задаче напомнить не только читателям-мирянам,

но и не в последнюю очередь церковным властям об историческом значении древних монастырских построек и богослужебных предметов.

Исторический подход проявлялся у С. Д. Шереметева и при описании монастырских некрополей. Учтя, что граф особенно интересовался вопросами генеалогии дворянских родов и являлся членом-учредителем и товарищем председателя (1898–1903) Русского генеалогического общества, некрополи интересовали его как место последнего упокоения известных в прошлом исторических деятелей, немало потрудившихся на пользу родине. Так, в очерке про Пафнутьево-Боровский монастырь он отметил надгробную надпись над могилой воеводы Михаила Волконского, героически оборонявшего монастырь в Смутное время, а также захоронения Щербатовых, Киселевых, Прончищевых, Репниных, Соковниных и др. [6, с. 9]. Большое впечатление оказал на него некрополь Псково-Печерской Лавры: «отлично сохранившиеся надгробия XVI и XVII века с ясно сохранившимися надписями и указаниями годов политы древнею зеленою эмалью с любопытнейшими рисунками и очертаниями» [16, с. 11]. Граф выразил в своем очерке пожелание, чтобы как можно скорее было составлено и опубликовано научное описание этого некрополя, т. к. оно может дать «немало драгоценных указаний».

Ситуацию с монастырскими некрополями С. Д. Шереметев принимал близко к сердцу. В неопубликованной записке «Vivos voco», посвященной проблеме сохранения исторических источников, он писал:

Пожелаем, чтобы обращено было внимание на монастырские и церковные кладбища, чтобы положен был предел безобразному и постыдному равнодушию, чтобы труды в этом направлении находили бы поддержку духовных властей. Эти труды достойнее финансовых операций — и <зачеркнуто: забот о свечных заводах> соображений. Этими трудами, как и вообще уважением к историческому прошлому только бы укреплялось уважение и почет обителей [11, л. 5].

В свои повествования он вводил обширные цитаты из научных изданий с описанием истории обителей, например, в очерке «Лавра Почаевская» он ссылаясь на опубликованные тексты Лаврентьевской, Воскресенской, Ипатьевской летописей, не говоря уже о работах историков и духовных писателей — Н. М. Карамзина, Д. И. Зубрицкого, А. Ф. Хойнацкого, А. Н. Муравьева [13, с. 10–11]. Очерк о Почаевской Лавре в целом очень примечателен: из 37 страниц основного текста (не считая приложения) лишь 2 были посвящены описанию церковных святых, все остальные — рассуждения С. Д. Шереметева об истории Лавры, взаимоотношениях православия и католичества, проблеме Брестской унии 1596 г. Такой сугубо исторический подход в этом очерке объяснялся, во-первых, тем, что граф не хотел повторять уже изданных и известных читателям описаний обители, в числе которых была книга «Почаевская Лавра» А. Н. Муравьева (Киев, 1871), а во-вторых, совпадением главных событий в истории Лавры с наиболее интересовавшим его историческим периодом — эпохой Смутного времени. «1597 год, год возрождения Почаевской обители и перенесения в нее иконы Богоматери, в то же время это год кончины царя Феодора Ивановича и вероятного бегства Расстриги в пределы Киевские и Волынские, где шла упорная борьба с наступающею Униєю» [13,

с. 23] — писал С. Д. Шереметев. Значительное место было уделено им рассказу об истории и в очерке про Псково-Печерскую Лавру, причем сделано это было не без литературного изыска: яркие впечатления от внушительного вида «древних стен и башни Благовещенской», по словам С. Д. Шереметева, невольно переносят мысль в далекое прошлое — в эпоху осады монастыря польскими войсками в годы Ливонской войны, когда икона Божией Матери «Успение» в проломе стены защитила оборонявшихся лавру иноков и стрельцов от войск Стефана Батория, о чем граф подробно рассказал в своем очерке. Вообще вид древних стен и башен, немых свидетелей прошлого, неизменно вызывал в его памяти исторические воспоминания [12, с. 6]. Редкий очерк С. Д. Шереметева обходился без обязательного упоминания того впечатления, которое производили на него эти старые монастырские укрепления.

Исторический подход С. Д. Шереметева в его сочинениях о Святых местах проявлялся также в том, что в конце ряда очерков граф помещал Приложения, в которых публиковал архивные документы, касавшиеся описываемых им монастырей. К примеру, указав, что самое раннее сведение о Почаевской Лавре встречается в Литовской метрике, хранящейся в ту пору в Московском архиве министерства юстиции, в приложении он опубликовал книги № 6 и № 213 этого собрания материалов [13, с. 15, 38–48]. В приложении к очерку о Желтиковском монастыре он ввел в научный оборот два документа — «Дело о возобновлении каменного храма в Желтиковском монастыре в 1635–1639 годах» и «Опись состоянию Желтиковского монастыря в 1764 году, перед переходом его вотчин в казну». Любопытно, что граф не просто опубликовал архивные источники, но и дал их описание. Так, например, по поводу первого дела, о возобновлении каменного храма в Желтиковском монастыре, он отметил, что его «подлинник хранится в Московском общем архиве Министерства императорского Двора в столбцах Оружейной палаты 7147 года под № 51, на 222 склейках, из которых выбраны и печатаются здесь существенные части всего дела; окончания его нет» [10, с. 23]. Очерк, посвященный двум упраздненным в XVIII в. переяславским монастырям — Горицком и Борисоглебском, практически целиком состоит из публикации архивных документов, касавшихся этих монастырей и извлеченных С. Д. Шереметевым из Монастырского приказа и Московского архива министерства юстиции [9, с. 7–66]. Стремление ввести в научный оборот новые архивные документы, познакомить читателей своих брошюр с языком первоисточника, совместить мемуарный и научно-просветительский план изложения было еще одной гранью писательской манеры графа, с 1900 г. занимавшего пост председателя Императорской археографической комиссии.

Но не только стремление к просветительству и распространению знаний об истории обитателей и их реликвиях двигало графом при написании очерков, в которых он выступал в двойной роли: как историк и как мемуарист. Граф признавался, что в молодости он и не помышлял записывать свои воспоминания, довольствуясь тем, что хранил все увиденное и пережитое в памяти. Но с годами «незаметно, но неотступно настроение мыслей наводит на близость предела». Обостренное сознание неотвратимости конца, быстротечности времени и хрупкости человеческой памяти заставило его запечатлеть свои воспоминания на бумаге, сохранив их таким образом в потоке бытия. Работа

над мемуарами, начатая со случайных, отрывочных записей, впоследствии приобрела систематический характер и приносила графу «утешение и покой» [7]. Стоит отметить также, что в очерках о монастырях С. Д. Шереметев почти не раскрывает своих духовных переживаний, связанных с православным богослужением и прикосновением к монастырским святыням, хотя в его искренней религиозности, воспитанной с детства и свойственной, по его мнению, роду Шереметевых, сомневаться не приходится. Единственным очерком, в котором граф с предельной откровенностью описал свое восприятие церковных служб, вызвавших у него глубокое душевное потрясение вплоть до слез радости и восторга, являются его «Воспоминания о службах в нашей домовой церкви».

Как мемуарист С. Д. Шереметев отмечал отрадные явления в современной ему монастырской жизни. Хорошо зная о той роли, которую сыграла в XIV–XVI вв. монастырская колонизация в хозяйственном и культурном освоении русских земель, особенно на Севере, граф отметил подобное же значение успешной хозяйственной деятельности молодого Ново-Афонского монастыря для культурного развития Юга, черноморского побережья:

Эти монахи неутомимые колонизаторы края: они строят дороги, созидают здания, устраивают плотины, осушают болота, руководят школою, содержат приют и гостиницу, охраняют и поддерживают памятники древности. Влияние их благодетельно [14, с. 6].

Ново-Афонский монастырь полностью отвечал взглядам графа на роль и значение монастырей в жизни общества. С. Д. Шереметев считал, что монастыри и Церковь в целом должны быть активны в мире: просвещать, помогать страждущим, в годину войн и нашествия иноплемennых по примеру Сергия Радонежского ободрять соотечественников на ратные подвиги. Подобное соработничество церкви и государства, было, по его мнению, исторически свойственно России: «...так сложилась, окрепла и сделалась могучею Свято-русская земля...» [8, с. 10] Кроме того, по его убеждению, монастыри должны быть главными хранителями национальных преданий, сказаний и былин. Если на Западе, как писал граф, «местные предания и былины сосредоточиваются в жизни средневековых замков и проявляются подвигами рыцарей», то на Руси центрами просвещения и умственной жизни были монастыри [8, с. 9–10]. Граф хотел, чтобы эту миссию они продолжали выполнять и впредь. В очерке про Почаевскую Лавру он с удовлетворением писал, что она является центром значительной издательской деятельности, во главе которой стоит иеромонах Виталий — «личность вдохновенная и пользующаяся общим уважением» [13, с. 34].

В своих очерках граф оставил словесные портреты настоятелей обителей: учитывая высокий статус графа С. Д. Шереметева и его положение при дворе, как правило, они лично показывали ему и его спутникам монастырские храмы и ризницы, потом угощали трапезой. Портреты настоятелей под пером С. Д. Шереметева были типологически схожи и в целом выдержаны в апологетическом тоне: он неизменно отмечал величественный вид игуменов, их бодрую и неутомимую деятельность, несмотря на преклонный возраст, на благо вверенных их заботам монастырей, живую и поучительную беседу с гостями. «Отец Иерон

уже старец; у него выразительное лицо, и он держит себя с достоинством» [14, с. 6], — писал граф о настоятеле Ново-Афонского монастыря. «...Подошел к нам монах в клобуке, с виду еще бодрый, с наперсным крестом. То был настоятель обители, архимандрит Дионисий <...> На вид о. Дионисию можно было дать 60 лет, а ему было 78! Он неутомим; за ним и молодой не угонится» [6, с. 6, 11], — об игумене Пафнутьево-Боровского монастыря, страстном садоводе-любителе. «Беседа его живая и поучительная, он в короткое время завоевал себе общее сочувствие. Богомольцы стали чаще посещать службы и с умилением внимать его проповеди и слушать его беседы, отличающиеся простотой и силой», — об игумене Михее, настоятеле Иосифо-Волоколамского монастыря [12, с. 4]. Особенно выразительное описание С. Д. Шереметев посвятил игумену Желтиковского монастыря преосв. Геннадию: «Разговор его своеобразен и сначала может озадачить странностями <...> Речь его отрывочная, иной раз иносказательная, к ней нужно привыкнуть, в неожиданных оборотах его звучит что-то болезненное: видно, что он много испытал на своем веку и немало выстрадал» [10, с. 4, 5].

В подобного рода мемуарных зарисовках, запечатлевших личностные черты настоятелей монастырей, облик и степень сохранности монастырских построек, многие из которых не пережили советской эпохи, заключается особая ценность очерков С. Д. Шереметева как непосредственных свидетельств очевидца. Красной нитью через все его очерки проходит тема памяти. Возможно, в этом заключается специфика той «оптики», сквозь которую он смотрит на монастыри, — он воспринимает их как особые знаковые места, где оживает и говорит с современностью национальное прошлое, передавая духовный опыт «высоких подвигов молитвы, смирения и труда» [8, с. 10]. В заветах родного прошлого граф Шереметев призывал найти ответы на трудные вопросы настоящего, а в его страстном стремлении к сохранению письменных и вещественных памятников церковной старины, скорби о том, что многие из них не описаны, надлежащим образом не сохраняются и не известны широкой публике, крылось предчувствие тех страшных испытаний, которые ждали их в недалеком будущем. «Станным показаться может прием, воспитывающий молодое поколение на образцах разрушения, на неуважении к родной, исторической и священной старине!» [9, с. 5] — писал он в начале XX в. по поводу упраздненных старинных монастырей. Осознание правоты этих слов пришло к российскому обществу слишком поздно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Издания графа С. Д. Шереметева. Список составил и дополнил Н. Тимофеев. — СПб.: Б.и., 1913. — 64 с.
2. Ковалева М. Д. Очерки и заметки С. Д. Шереметева о русских городах и усадьбах // Остафьево: Страницы истории усадьбы и ее владельцев. Юбилейный сборник. — Остафьево: Музей-усадьба Остафьево «Русский Парнас», 1999. — С. 63–71.
3. Ковалева М. Д. Старая Москва графа Сергея Шереметева. — М.: Москвоведение, 2003. — 240 с.

4. Мещенина А. А. Путевые заметки С. Д. Шереметева // Мавродинские чтения. 2008. Петербургская историческая школа и российская историческая наука: дискуссионные вопросы истории, историографии, источниковедения. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. — С. 590–594.
5. Русские писатели о Святых местах. — М.: Издание Т-ва И. Д. Сытина, 1899. — 60 с.
6. Шереметев С. Д. Боровский Пафнутьев монастырь. — М.: Типо-лит. Н. И. Куманина, 1897. — 12 с.
7. Шереметев С. Д. В дороге. — М.: Синодальная типография, 1906. — Вып. 4. — 92 с.
8. Шереметев С. Д. В дороге. — М.: Синодальная типография, 1907. — Вып. 6: Ростов Великий. — 18 с.
9. Шереметев С. Д. Два упраздненных монастыря над Переяславским озером. — М.: Типо-лит. Н. И. Куманина, 1901. — 66 с.
10. Шереметев С. Д. Желтиковский монастырь в Твери. — М.: Типо-лит. Н. И. Куманина, 1899. — 47 с.
11. Шереметев С. Д. Записка *vivos voco*. Рукопись С. Д. Шереметева об охране и изучении письменных исторических источников // Российский государственный архив древних актов. — Ф. 1287: Шереметевы. — Оп. 1. — Ед. хр. 5590а.
12. Шереметев С. Д. Иосифов Волоколамский монастырь. — М.: Типо-лит. Н. И. Куманина, 1899. — 20 с.
13. Шереметев С. Д. Лавра Почаевская. — М.: Синодальная типография, 1909. — 51 с.
14. Шереметев С. Д. Новый Афон. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1895. — 11с.
15. Шереметев С. Д. По Сухоне. — М.: Типо-лит. Н. И. Куманина, 1900. — 19 с.
16. Шереметев С. Д. Псково-Печерский монастырь. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1895. — 40 с.
17. Шереметев С. Д. Саввин Сторожевский монастырь. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1891. — 17 с.